

Тетяна В. Радзієвська (Київ)

Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников

Ключевые слова:
*дневник, стиль, текст
 дневниковой записи,
 автокоммуникация,
 мемориальная функция,
 коммуникативная
 деятельность, внутренняя
 речь, письменная речь.*

Если связывать понятие стиля текста с создаваемым эстетическим эффектом, что предполагает, естественно, и наличие адресата эстетического воздействия, то дневниковые записи, которые создаются в «безадресатной» ситуации, следует признать той текстовой сферой, на которую понятие стиля не распространяется. Если же понятие стиля связывать с процедурой отбора языковых средств при создании текста, имеющего определенное предназначение, то тогда можно утверждать, что дневники характеризуются рядом ярко выраженных стилистических особенностей, хотя такой отбор носит здесь достаточно специфический характер.

На основу разматрања посвећеног вођењу дневника као посебне комуникативне делатности одређују се основни функционално-семантички типови исказа карактеристични за текст дневничких записа. Издвајају се два стила репрезентације референтне ситуације (актуелни и дескриптивни) који одговарају комуникативној природи дневничких записа.

Дневник как текстовой тип представляет собой гипертекст, состоящий из цепочки отдельных текстов, которая отражает итеративный характер ведения дневниковых записей (далее ДЗ). Дневники отличаются широким разнообразием и по способу ведения записей, и по тематике, а также используемым лексико-синтаксическим средствам. Так, существуют «регулярные» дневники, где записи делаются изо дня в день или через соразмерные временные промежутки (дневники Т. Шевченко, В. Ламздорфа, П. Чайковского), и «нерегулярные», фиксирующие неперIODическое, нерегулярное обращение к записям (дневники

А. Герцена, Т. Сухотиной-Толстой и др.; см.: Радзиевская 1988). Дневники могут различаться по тематическому аспекту – доминированию в них заметок об определенных типах событий – бытовых, светских, интеллектуальных, об эмоциональных и/или психо-физических состояниях. ДЗ различаются и по своему объему и по своим дискурсивным характеристикам: одни записи содержат лаконичные констатации, другие – развернутые описания событий, третьи – обращения к самому себе, четвертые – рассуждения, мнения, оценки и т.д. Между тем объединяет ДЗ разных авторов тот факт, что все они возникают в рамках интимного общения и создаются как автоадресованные тексты. Эти обстоятельства составляют конститутивную особенность дневника как текстового типа, которая имплицитно в свою очередь его специфику, касающуюся отражения внеязыковой действительности и выбора конкретных языковых средств. В наши задачи будет входить краткая характеристика коммуникативной ситуации, в которой создаются ДЗ, определение функционально-семантических типов высказываний в дневнике и описание основных стилистических особенностей ДЗ.

I

Если обратиться к коммуникативной ситуации, в которой происходит формирование ДЗ и ее составляющим – коммуникативному субъекту, адресату, коммуникативной интенции, каналу, характеру субъектно-адресатных отношений и др., то мы увидим, что эта ситуация характеризуется значительной неопределенностью. Действительно, коммуникативная цель (интенция) при ведении дневника носит весьма неопределенный характер, за исключением того специаль-

ного случая, когда дневник имеет четкое предназначение и призван фиксировать информацию, необходимую для последующей работы автора (дневник метеорологических наблюдений, судебной журнал). Такие ДЗ имеют чисто утилитарную функцию и здесь не рассматриваются. Как правило, ведение дневника не связывается с какой-либо отрефлексированной интенцией, она не формулируется пишущим, как не может быть сформулирована коммуникативная цель внутренней речи. Этот вид деятельности обусловлен не столько целями, сколько потребностями. Показательно в этом отношении высказывание Т. Сухотиной-Толстой: *Зачем я пишу свой дневник? Я, в сущности, не знаю зачем. Больше всего для того, чтобы через много лет знать, какой я была в 21 год, и тоже потому, что яснее в голове все, когда оно написано, и потому тоже, что иногда просто писать хочется* (4. 8. 1886).

В ситуации ведения дневника отсутствует и «фактор адресата» (Арутюнова 1984), детерминирующий отбор языковых средств, а физическое совпадение субъекта и адресата позволяет рассматривать ведение дневника как форму реализации автокоммуникации (Лотман 1973) или же как письменную проекцию внутренней речи. Неопределенность коммуникативной ситуации объясняется также и отсутствием связи с каким-либо институтом, что влечет отсутствие внешнего контроля, в том числе цензуры (ср. со сферой научной или деловой коммуникации). На этом фоне только канал речевого действия выглядит вполне отчетливо и приобретает статус релевантного признака: коммуникативное действие представляет собой акт порождения письменного текста.

Коммуникативная ситуация ведения дневника примечательна еще одним

обстоятельством, которое нельзя не отметить: она не сопоставима ни с какой другой в сфере текстообразования по той степени свободы, которой наделен здесь субъект. Он свободен не только в выборе лексических и синтаксических средств, свободен в определении объема отдельной записи, ее стилистики и риторики, но и в отборе тем (событий) для ДЗ и в определении степени детальности описания отдельного события. Будучи «сам себе хозяин», он в любой момент может повернуть свою деятельность в иное русло, приостановить ее, переосмыслить, изменить. К «асоциальной» сфере ведения дневника не применимы понятия успешности/неуспешности коммуникативного акта, уместности/неуместности высказывания. Коммуникативная ситуация здесь такова, что субъект выступает в ней и как инициатор письменного коммуникативного действия, и как его организатор, исполнитель, контролер, «защитник», причем эти роли субъекта распространяются и на создание отдельной ДЗ, и на ведение дневника в целом. Естественно, в каждом конкретном случае воплощение этих ролей зависит от конкретного автора. Однако важно здесь то, что в коммуникации с одним «действующим лицом» пишущий неизбежно параметризуется, т.е. выполняет ряд прагматических ролей, каждая из которых может в большей или меньшей степени отвечать его личным склонностям. В силу этого ведение дневника приобретает черты самоорганизующейся деятельности.

II

Итак, с точки зрения «стандартной» – адресованной – коммуникативной ситуации ведение дневника происходит в условиях прагматически недетермини-

рованной ситуации. Однако при взгляде изнутри оказывается, что такие характеристики как безадресатность, итеративность, письменный способ коммуникативного действия, его самоорганизующийся характер способны детерминировать направления самореализации автора, так что ведение дневника приобретает вид полиаспектной деятельности. Таких аспектов, по нашим наблюдениям, не менее трех и воплощаются они в определенных функционально-семантических типах высказываний.

Первый из них обусловлен необходимостью предпринимать дополнительные усилия по организации деятельности. Эти усилия отражаются в многочисленных высказываниях относительно того, как вести дневник, какие сведения вносить, а какие – исключать, какие речевые формы при этом использовать, как ликвидировать случившиеся сбои и исправлять недочеты. Это сообщения о своих намерениях, высказывания, выражающие оценку деятельности, вносимые в нее коррективы, акты самокритики и восстановления нарушенного хода ведения ДЗ.

Темой таких высказываний служит сама деятельность по ведению дневника, а субъект поясняет, комментирует свои действия, делает признания, отождествляя себя то с конфидентом, то просто с собеседником, то с контролером или наблюдателем. В любом случае он выступает здесь как оберегающий свою деятельность и заботящийся о ней. Чаще всего авторы стремятся ограничить тематику, определить «калибр» событий, о которых сообщают. Напр., Т.Сухотина-Толстая не раз отмечает вводимые ею селективные ограничения на тематику: *Буду писать только факты, потому что убедилась, читая прежние дневники, что и факты очень интересны [...]* (7.10.1887). Автор

может отмечать в ДЗ и отсутствие «материала» для записи: *Мыслей в голове нет, писать нечего, туман в голове какой-то. Закрою-ка лучше тетрадку* (Грушевский, 23. 10. 1883). Ограничения могут накладываться и на речевые жанры. Так, В.Кюхельбекер в одной из ДЗ сообщает о сознательном исключении из дневника жанров исповеди и признания: *Я, правда, никогда не хотел превращать дневника своего в исповедь, но быть так – признаюсь, что я сам отчасти принадлежу к сим самым людям [...]* (13. 7. 1832). В другой записи, оберегая заведенный порядок, он укоряет себя за отклонения от него: *Я бы не должен давать волю перу моему, не должен бы поверять бумаге чувства мои, но что утешит меня?* (21. 12. 1831).

Определенную группу здесь составляют высказывания автора о способах оформления содержания, хотя этот аспект речевой деятельности волнует авторов значительно меньше, нежели содержательный аспект записей. Лишь в отдельных случаях выдвигаются требования к оформлению записи: *Следует, кажется, наложить на себя запрещение – не записывать этих обрывков, пока не найдешь формы* (Блок, 4. 8. 1917). К таким высказываниям примыкают комментарии, в которых даются пояснения и оценки тех или иных деталей записываемого, чаще всего вызванных, по мнению пишущего, каким-либо его дефектом или несовершенством: *Однако нанес я, кажется такой превыспренной чепухи, что за фразами и смысла не видать* (Грушевский, 25. 10. 1883).

Чрезвычайно типичны для «организационного» аспекта ведения ДЗ высказывания, связанные с возникновением сбоев. Иногда это случайные, нежелательные сбои, обусловленные жизненными обстоятельствами, а иногда они вызваны ощущением рутинности, монотонности

самой деятельности. Сбои порождают высказывания, призванные восстановить порядок и принципы ведения дневника либо переосмыслить какие-либо его аспекты – изменить тематику или же режим ведения записей. Так, пропустив несколько дней, В. Вернадский включает в текст ДЗ объяснения и оправдания пропускам: *Не записывал несколько дней, хотя за это время много разнообразных впечатлений и переживаний. Среди мыслей и работы не находишь времени писать, и сейчас – вечером – в постели чувствую, что набросаю лишь немного* (26. 3. 1918). ДЗ с подобным содержанием встречаются у С. Танеева, П. Чайковского и мн. др. Ведший ДЗ на протяжении многих лет Танеев несколько раз принимает решения об изменении определенных аспектов речевой деятельности. Начав вести дневник на эсперанто, он после полугодового периода перешел на русский язык, изменив тем самым код, что и отражено в записи: *Начинаю писать дневник по-русски. По-эсперантски писал достаточно – ½ года* (29. 6. 1894). Через 17 лет он решает внести коррективы в содержательный аспект записей, переорганизовать свою деятельность: *Теперь на склоне лет, я хочу попробовать писать дневник, не исключая из него чувств и мыслей* (19. 1. 1911). Подобные высказывания находим и у Т. Сухотиной-Толстой: *Опять начинаю писать свой дневник. Но теперь постараюсь писать только факты и мысли, а не чувства, что с течением времени делается неинтересно* (4. 4. 1896).

Второй функционально-семантический тип высказываний в ДЗ связан с психологическим характером коммуникативной ситуации, отсутствием в ней «другого». Это обстоятельство оборачивается осознанной или неосознанной

идентификацией коммуникативной ситуации по модели адресованного общения, в результате чего автор отождествляет свою тетрадь (блокнот, бумагу, журнал) с адресатом. К этой ситуации поэтому в полной мере приложимы слова Л.С. Выготского о письменной речи как особом ее типе: характеризуя ее, он использовал выражение «разговор с белым листом бумаги» (Выготский 1982: 237). Иногда персонификация дневника отражается в самих записях: *И вот решил я, не имея возможности открываться собеседнику живому, беседовать с собеседником недоушевленным, открывать ему свои мысли, сокровенные думы [...]* (Грушевский, 14.9.1883). Адресат в этом случае моделируется как *alter ego* или конфидент, как такой коммуникативный партнер, к которому можно обратиться в любой момент. В силу этого здесь создаются предпосылки для беспрепятственного отражения в письменном регистре внутренней речи, которая стимулируется психологическими состояниями, переживаниями и мыслями, актуальными для сознания пишущего.

По мнению А. Жирара (Girard 1963: 528), исследовавшего психологический аспект ведения дневника, в этом случае реализуется акт выговаривания, в ходе которого субъект освобождается от своего аффективного багажа, а ДЗ насыщается высказываниями, которые воспроизводят тематический репертуар внутренней речи. Это 1) высказывания о своих эмоциональных состояниях, переживаниях, впечатлениях; 2) размышления, отдельные мысли, мнения, оценки, самонаблюдения; 3) высказывания о своем физическом состоянии; 4) воспоминания и сны. Обслуживая автокоммуникацию и фиксируя в письменном регистре автоадресованные коммуникативные действия,

такие высказывания вписываются в эмоциональную коммуникацию, в ходе которой происходит спонтанное, ненамеренное выражение эмоций. И хотя эмотивная коммуникация (как отмечается в *Caffi, Janney* 1994: 328–329) более связана с межличностной коммуникацией, в данном случае мы, по-видимому, сталкиваемся с ее особым проявлением.

Семантико-синтаксическое оформление таких высказываний в ДЗ соответствует стереотипам их отражения вербальными средствами. Чаще всего это констатирующие высказывания, восклицания, выражающие эмоциональную реакцию, а также признания, упреки, укоры, самообвинения, самонаблюдения, вопросы, констатации нелицеприятных истин. Все они входят в семантико-синтаксический репертуар автокоммуникации, однако их представленность в дневниках различных авторов достаточно индивидуальна. Так, для ДЗ Т. Сухотиной-Толстой весьма типичны констатации психо-физических и эмоциональных состояний: *Сегодня я слаба, слаба. И физически, и душевно. Плакать хочется, грустно, мрачно и тяжело физически* (15.5.1894). *Мне ужасно скучно и грустно и досадно* (9.4.1884). Характерны для ее ДЗ оценки своих действий, констатация нелицеприятных истин, однако в них редко можно встретить эксплицитное выражение эмоций в виде эмоциональных восклицаний, упреков, признаний. Ср.: *Мы в Москве, и я веду самую противную для меня жизнь* (23.11.1883) *Я последнее время очень мучусь тем, что я мало образована [...]* (14.1.1888).

В ДЗ П. Чайковского преобладают высказывания о своих психо-физических состояниях, в то время как отражение размышлений, мнений и оценок сведено к минимуму: *Опять как в Ноябре: головная*

боль, тошнота и т.д. (15. 2. 1887). *Отсутствие аппетита, и скука какая-то бесконечная овладела мной* (27. 7. 1887). Вместе с тем в ДЗ П. Чайковского значительное место занимают высказывания, отражающие эмоциональные реакции и впечатления от увиденного или услышанного, иногда впечатления от снов, вопросы, обращения к самому себе, однако редки упреки, укоры, признания. Особенностью отображения интенсивности эмоционального состояния является здесь мультипликация восклицательного знака и прием графического выделения за счет капитализации: *Видел партитуру Дон Жуана Моцарта, писанную ЕГО РУКОЙ!!!* (31. 5. 1886). *О ужас, – черненький чемоданчик забыт!!! [...] Чемоданчик вернулся!!!* (11. 1. 1887). Примером соединения в одной записи впечатления, эмоциональной реакции, признания и укора себе, что является редкостью для ДЗ Чайковского, служит следующий: *После ужина играл Нерона. Все еще не могу надивиться наглой бесцеремонности автора. Ах ты шут гороховый! Ей-Богу, злость берет, смотря на партитуру. А впрочем, ведь оттого я играю эту мерзость, что сознание превосходства, по крайней мере, в смысле добросовестности, – поддерживает мою энергию [...] Мне стыдно, что я с такой злостью отношусь к подобному явлению, – но перед кем же в дневнике притворяться?* (1. 3. 1886). Автокоммуникативные высказывания здесь представлены также обращениями к себе, вопросами, восклицаниями: *Эх! Петр Ильич, стыдно, батюшка! Впрочем, я с утра не по себе* (26. 4. 1884). *И к чему я это играю в винт?* (30. 4. 1884). *Боже, что за ужасный день* (5. 6. 1886).

Специфической составляющей внутренней речи может быть и повторное переживание события, актуализация в

сознании сна или же воспоминания, которое вызывает определенные эмоции. Эта сторона автокоммуникации отражена, в частности, в дневнике А. Довженко: *Сьогодні снилося мені, що є на світі Бог. Що покликав він мене до себе і повелів ангелам своїм випалити з моєї душі і вирубати огненними мечами смуток і печаль пригноблення* (5. 9. 1945). *Пригадую, напередодні самогубства ми сиділи з ним у садочку Дома Герцена обидва у тяжкому душевному стані [...]* (14. 4. 1945).

Отражение ярких впечатлений от прочитанного и интересных наблюдений в связи с чтением является основной чертой заметок В. Кюхельбекера, восходящих к автокоммуникации. Как правило, это впечатления от художественных особенностей стиля автора, от полученных новых сведений, отдельные наблюдения: *Начал я поэму «Вечный Иудей»; сочиняя вступление, заметил, что чтение Гомера осталось не без действия на мой слог* (6. 4. 1832). Доминирование именно таких автокоммуникативных высказываний имеет экстралингвистическую мотивацию: дневник велся в заключении и ссылке, где возможность получать впечатления от событий внешнего мира была резко ограничена.

Отдельный функционально-семантический тип в ДЗ образуют высказывания, которые восходят к наиболее отрефлексированному аспекту ведения дневника – фиксации происшедших событий. Ее предназначение и смысл – сохранить информацию, быстро стирающуюся из памяти, вследствие чего основная функция таких высказываний – мемориальная. Мемориальный аспект ведения ДЗ манифестируется не только в высказываниях-констатациях происшедшего, но и в высказываниях, вызванных к жизни четким осознанием того, что дневник –

это хранилище уникальной информации. Ср.: *С 24 сентября ни строки не записано, а столько людей видел и столько слышал вещей интересных. Но раз не записал, все это исчезает из памяти* (Суворин, 12. 10. 1896). *Читал свой дневник, отрывки 15 и 16 года. Чрезвычайно мне интересно* (Сомов, 11. 9. 1920).

При фиксации событий, происшедших за описываемый период, передается, как правило, их естественный ход, изоморфный времени. ДЗ в этом случае приобретает хроникальный характер: *Погода небывало чудная. Однако ж я после чая и небольшой прогулки все-таки написал романс. После обеда немедленно отправились в Демьяново. Чудный парк, но скверный дом, подобный старой казарме. Прогулка по парку и к реке. Чай. [...]* (Чайковский, 30. 8. 1886). Такие хроникальные заметки особенно характерны для ежедневных записей, которые отражают события внешней жизни автора; при нерегулярном ведении дневника чаще всего происходит фиксация событий, относящихся к сфере внутренней жизни – размышлений, эмоций, оценок, впечатлений от услышанного, увиденного или прочитанного. К высказываниям с мемориальной функцией примыкают дейктически мотивированные характеристики дней, когда происходит акт записи: *День открытия Лицея: он ныне существует 21 год* (Кюхельбекер, 19. 10. 1832). *16-я годовщина со времени явленной нам милости Божией при крушении поезда* (Николай II, 17. 10. 1904). *Рождение мама, ей 50 лет* (Сухотина-Толстая, 22. 8. 1894).

При регулярном ведении ДЗ обнаруживаются специфические речевые склонности и привычки пишущих, которые определяют идиостиль ДЗ. Так, для ДЗ Николая II чрезвычайно характерны темпоральные детерминанты, точно указы-

вающие время события, в чем, очевидно, сказывается восприятие временного континуума дня по модели расписания. Ср.: *День стоял праздничный, солнечный. В 9¼ поехал в город. Мама одевалась в нашей спальне. В 10¼ начал обходить войска в залах. В 11 час. ровно начался выход. Архиерейская служба не затянулась. [...]* (6. 1. 1904). Тематический репертуар высказываний, имеющих мемориальную функцию, охватывает здесь стандартные события из распорядка дня императора – события служебной, частной и светской сфер. Чрезвычайно характерны для этого дневника заметки о погоде, которые встречаются в большинстве записей: *Стоял ясный хороший день* (4. 1. 1904). *Опять оттепель, весь день стоял туман* (7. 1. 1904). *Хороший солнечный день* (9. 1. 1904). Подобным образом строятся и ДЗ П. Чайковского, в которых так же кратко отражены события дня в их следовании друг за другом.

Стереотип ДЗ А. Суворина, издателя и журналиста, существенно отличен от двух предыдущих. Здесь высказывания с мемориальной функцией – это текстовые блоки, фиксирующие информацию об определенных событиях (часто в виде сцены) светской, артистической, писательской сфер, а также сферы жизни высшего общества и государственных чиновников. Обращает на себя внимание то, что многие из них содержат пикантные подробности, обеспечивающие их коммуникативную и информационную ценность в глазах автора, в чем, вне всякого сомнения, сказывается «журналистский подход» к отбору сведений. Между тем достаточно очевидно, что блоки фиксируемой информации соотносимы с коммуникативными событиями, имевшими место в течение дня (беседы, встречи), в ходе которых автор получил фиксируемые

в ДЗ сведения. При этом информация о типе такого коммуникативного события, т.е. ее источнике, как правило, опускается. В этом в значительной мере проявляется журналистский стиль восприятия, фиксации, обработки информации. Мемориальная функция таких высказываний, очевидная сама по себе, сочетается с утилитарной функцией, связанной с перспективой использования сведений либо в ситуациях непосредственного общения, либо в профессиональной работе.

Мемориальная функция ДЗ, которая характеризует этот тип высказываний, является тем стержнем, который «притягивает» к себе и другие высказывания с мемориальной доминантой и как бы провоцирует их появление. Представление о дневнике как хранилище информации создает контекст, способствующий включению в него любых заметок с целью их сохранения и возможного использования в будущем. Поэтому в ДЗ легко вклиниваются фрагменты, фиксирующие интересные сведения, анекдоты, истории, которые можно при случае рассказать. Это также черновики писем, литературные планы, определенные текстовые заготовки, чужие тексты. Так, в ДЗ М. Грушевского за 1883г. находим черновики романа, который он начинает писать прямо в дневнике. В ДЗ Т. Сухотиной-Толстой включено письмо Л. Н. Толстого, написанное в ответ на письмо «одной барышни, спрашивающей, как ей жить» (4. 9. 1887). А. Суворин включает в дневник текст письма некой дамы, сообщающей пикантные подробности об известных людях (19. 4. 1896).

Ярким образцом дневника, где значительная часть высказываний с мемориальной функцией принадлежит различным черновым заготовкам, служит дневник А. Довженко. В нем обнаруживаем про-

спекты, зарисовки сцен для будущих художественных произведений и сценариев («Органчик», «Золоті ворота» и др.), черновые фрагменты для критических статей, творческие задания. В дневник литературоведа С. Ефремова включены записи анекдотов, циркулировавших в Киеве в 20-е гг. (годы ведения ДЗ), которые, по-видимому, осознавались пишущим как документы эпохи.

Таким образом, функциональная природа высказываний, формирующих ДЗ и являющихся необходимыми компонентами дневника как текстового типа, определяется по крайней мере тремя основными функциями – мемориальной, автокоммуникативной и организационной. Конкретное лексико-синтаксическое воплощение этих высказываний в значительной мере зависит от языковой личности пишущего. Однако рассмотрение корпуса дневников разных авторов позволяет сделать и более общие наблюдения над способами представления референтной ситуации в ДЗ.

III

Наиболее заметной общей особенностью ДЗ служит существование двух полюсов в представлении событий прошедшего дня (периода). С одной стороны, это краткие записи, в которых вербальное представление события может ограничиваться одной лексемой, выступающей как знак события (ДЗ Николая II, Чайковского, Танеева). С другой стороны, это пространственные тексты, содержащие подробную «сценическую» репрезентацию события внешней или внутренней сферы лица (ДЗ Сухотиной-Толстой, Вернадского, Суворина). Первый способ, или стиль, представления происшедшего можно обозначить как топикальный, второй – как

дескриптивный. Они охватывают два основных стилистических направления ДЗ, и связаны с личным отношением субъекта к ведению дневника, с его личной трактовкой этой деятельности, мотивированной потребностями. (Такое обстоятельство как наличие у автора достаточного количества времени, само по себе весьма немаловажное, совершенно очевидно и не подлежит сомнению как фактор, влияющий на формирование текста, однако интерес здесь для нас представляют в первую очередь интенциональные моменты). Выработка топикального стиля и следование ему означает в сущности, что в ведении ДЗ привлекательной для автора оказывается возможность фиксировать события, т.е. мемориальный аспект ДЗ, в то время как дескриптивный стиль естественно связывать с привлекательностью для субъекта возможности письменно излагать некое интенциональное содержание.

1. Топикальный стиль ведения ДЗ (ср. топикальный тип речи – Кубрякова 1986: 134) проявляется прежде всего в том, что событие лишь называется то ли по его основному протагонисту, то ли по локализации или иной отличительной детали. Предложения, представляющие этот стиль, имеют либо чисто номинативный характер (*Ванна. Прогулка по парку. Обед. Письма*), либо редуцированную или усеченную семантико-синтаксическую структуру: *Толя с Паней у источника. На Торскую дорогу. Спустился влево, к лагерю. После обеда работал Avevegit. Коля Переслени приехал* (Чайковский, 4. 07. 1887). *Холодный серый день. Погулял утром. Имел два доклада. Завтракал Сергей. Принял Мирского. Простились с Ники и Еленой, уезжающими в Грецию* (Николай II, 9. 10. 1904). Такая ДЗ приближается к тексту-списку, тек-

сту-расписанию и создает модель дня в виде временного пространства, заполненного событиями. Отдельное предложение представляет собой чисто автокоммуникативное высказывание, способное быть полноценным сообщением лишь при совпадении адресата и адресанта. Топикальность проявляется в том, что в ДЗ не раскрываются особенности реализации события, его конкретные детали и в результате информация, которая могла бы иметь коммуникативную ценность для других, остается невербализованной. Так, во фрагменте *Звичайна четвергова розмова. Сюжет – лист Грушевського* (Ефремов, 6. 3. 1924) дается информация о типе события, ее поводе и тематике, однако его описание остается «за кадром». Ср. также: *Неприятный эпизод с деньгами. Ушел. Борис занял 10 руб.* (Чайковский, 10. 8. 1886). *Обед в большом доме. После обеда разговоры о Шопенгауэре, Толстом и т.д.* (Чайковский, 20. 4. 1884), где опущены сведения, которые могли бы представить интерес для стороннего читателя. В ДЗ Николая II находим регулярные записи относительно вечерних занятий, которые никогда не конкретизируются: *Много занимался и читал* (9. 10. 1904). *Гулял и много занимался* (11. 10. 1904). *Занимался много* (16. 10. 1904). *Занимался до 8 час.* (20. 10. 1904). Семантическая и коммуникативная редуцированность характеризует и высказывания о событиях внутреннего мира: *Письмо от Пахульского, в коем присылает мне объявление о продаже Дворянинова. Разнообразные чувства, при сем испытанные* (Чайковский, 24. 5. 1884). С точки зрения логико-семантического построения повествовательного текста такие высказывания выглядят как зачины (интродукции), формирующие читательские ожидания, и отсутствие логического

продолжения в виде конкретизации создает эффект «рваного» изложения.

Весь текст ДЗ, представляющий топикальный стиль в плане синтагматики, отличается тезисностью, отрывочностью, несвязностью: практически каждое предложение здесь открывает новую тему. ДЗ, отражая временную последовательность событийного потока, как бы выхватывает из него определенные блоки и часто производит впечатление субъективной фиксации событий, актуализировавшихся в сознании пишущего: *Читал. Пошел ходить. Женичина, припадающая на одну ногу, но сильная. Дома братья Берсы и их родные. Мне и с ними было хорошо. Маша приходила прощаться: скучает* (Л. Толстой, 12. 12. 1888). Подобные записи и у М. Грушевского: *Робив коло т.УІ – дописував. Мав годину – Крипякевич про Львів[ську] Русь докінчив реферат, дискусія була інтересна (Бачинський контрреферент), Саші дуже сподобалося. Зле сплю – буджуся etc., хоч пісів не чую (при зачинених вікнах)* (3. 7. 1906).

Если вспомнить то, что писал Л. С. Выготский о внутренней речи и сопоставить ее характеристики с семантико-синтаксическими особенностями ДЗ топикального стиля, то становится очевидным их параллелизм. Среди основных черт синтаксиса внутренней речи Л. Выготский выделял свернутость, сокращенность, стенографичность, наличие «эллипсов», предикативность. Он писал: «Внутренняя речь есть максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь» (Выготский 1982: 239). Эти характеристики в полной мере могут быть отнесены и к ДЗ топикального стиля, синтаксис которых отражает логику внутренней речи, ее развитие, ее ход. Исходя из этого, можно сказать, что топикальный стиль вызван к жизни и объясняется

построением текста по модели внутренней речи. А «безадресатность» ситуации ведения ДЗ позволяет создавать письменный текст без перекодировки, основываясь на синтагматических принципах внутренней речи.

2. Если топикальный стиль ведения ДЗ связан с интенцией зафиксировать событийное наполнение дня, то дескриптивный формируется тогда, когда автора при ведении ДЗ наиболее привлекает возможность создавать письменный текст, в чем усматривается дополнительная возможность самореализации. Вспомним замечание Т. Сухотиной-Голстой о причине ведения дневника: «... и потому тоже, что иногда просто писать хочется». Таким образом, возможность вести дневник в этом случае – это возможность создавать письменное текстовое произведение. Естественно, оно строится по модели письменной речи и предполагает развернутость, нередуцированность, полноту описания, аргументации, соблюдение законов логико-синтаксического развертывания текста, формальную и семантическую связность. При этом стиле автор не только обозначает происшедшее, но и стремится представить событие по возможности полно, в деталях, с использованием способов оформления развернутого повествования, включающего зачины, концовки, ложные вопросы, т.е. речевые приемы, заимствованные из «адресованной речи». Напр., в ДЗ Т. Шевченко часто встречаются интродукции рассказчика: *Какое же казусное событие запишу я сегодня? А вот какое* (14. 6. 1857). *Дело вот в чем* (16. 6. 1857). *История такого содержания* (21. 6. 1857) и др., после которых идет подробный рассказ о происшедшем. В целом конкретное стилистическое оформление такой ДЗ чаще всего зависит от коммуникативного опыта автора, сфор-

мированного при чтении или написании текстов различных типов – художественных, деловых, публицистических, философских, критических и т.д. Приведем несколько примеров.

В ДЗ В. Ламздорфа, советника министерства иностранных дел, которые насыщены сведениями о служебных и дипломатических событиях, в определенной мере проецируется жанр докладной записки (доклада), требующего четкого, ясного и одновременно полного представления ситуации. ДЗ приобретает вид чрезвычайно детального отчета происшедшего за день с воспроизведением реплик участников событий, их реакций: *С этими словами князь зачитывает мне текст телеграммы на английском языке, посланной Вильгельмом II государю императору; в ней кайзер обращает внимание на серьезность положения в Константинополе и в заключение спрашивает, что его величество думает предпринять в случае катастрофы. Я не удерживаюсь от замечания: «И все это в телеграмме, переданной открытым текстом!» – «Да разве можно так вести дела?» (27.10.1895).* Стилистика отчетности возникает здесь благодаря использованию глагольных форм в наст. времени, которые впрочем нельзя отождествлять с наст. историческим, вследствие временной близости ситуации описания и референтной ситуации, т.е. определенной репортажности изложения.

ДЗ А. Суворина, отличаются энергичным, торопливым стилем, выдающим профессиональные навыки журналиста. При создании достаточно полного описания события здесь используются короткие предложения, тяготеющие к «нераспространенности», преобладают первичные синтаксические структуры, а вся ДЗ характеризуется высокой степенью преди-

кативности, с одной стороны, а с другой, – в ней, как правило, отсутствуют какие-либо орнаментальные элементы, тропы, средства образности: *Среди рабочих в Москве большое движение. В Петербург их стянулось до 30 тысяч. Говорят, что въезд государя в Петербург отложен по этому случаю [...] (9.7.1896).*

В дневнике Т. Сухотиной-Толстой описания многих сцен светской жизни строятся по модели беллетристического произведения, в чем, очевидно, проецируется компетенция автора – реципиента художественных текстов. Многие записи в дневнике А. Герцена стилистически дублируют его философские и публицистические сочинения. (Объем статьи, к сожалению, не позволяет нам остановиться на этом подробнее). В целом дескриптивный стиль ДЗ значительно более индивидуален, чем топикальный и зависит от речевых навыков и вкусов его автора: при возможности создавать текст по «свободной программе» автор выбирает здесь наиболее близкий и привычный ему способ вербальной манифестации.

В заключение отметим, что оба рассмотренных выше стиля не являются взаимоисключающими. Напротив, нередко в одном дневнике можно встретить записи, тяготеющие то к одному, то к другому стилю. Напр., в ДЗ В. Вернадского записи, вызванные к жизни определенным эмоциональным состоянием написаны в дескриптивной стилистике, в то время как при отражении внешних событий используются языковые средства, представляющие топикальный стиль. Ср.: *Всего как-то захватила работа над живым веществом, которую я обдумываю, передумываю и перерабатываю, и мысль об окружающем. Но писать могу только о живом веществе, так как едва заканчиваю к вечеру [...] (15.3.1918). Вчера был у Короленок. Вл. Г.*

спал, разговор с Авд. Сем., Софией Влад., бабушкой. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов – переработки идеалов жизни (7.5.1918). То же можно сказать и о ДЗ Л. Н. Толстого. В них отражение впечатлений, мыслей, наблюдений реализуется по преимуществу в дескриптивной стилистике, при представлении внешних событий доминирует топикальный стиль.

Такое сочетание в одном тексте противоположных стилистических «ориентаций» на самом деле достаточно закономерное явление, поскольку формирование обоих стилей, как мы пытались показать, обусловлено «генетически» – коммуникативной природой ведения дневника. Поэтому они скорее дополняют, нежели исключают друг друга.

232

summary

Some aspects of semantics and style of diary records

The object of study is diary as a text type, its communicative, semantic and stylistic peculiarities. Diary records are regarded as a result of communicative activity which is determined by absence of real addressee, reiteration, freedom for diarist in selection of lexical and syntactical resources and others. These peculiarities specify both semantics and tone of diary records. Their influence is revealed in forming of at least three types of utterances. These are: utterances representing self-organizing way of keeping diary records; utterances which reflect auto-communication; utterances of chronological type with memorial function. As to stylistic peculiarities of a diary as a text type we distinguish two main styles of records connected with the mode of representation of an extra-linguistic situation which we name topical and descriptive. Topical style is manifested in reduced syntactic structures, nominative sentences and in its extreme manifestation a record can approximate to a text-list. Descriptive style can be explained by attractiveness to diarist of a written communicative activity. In this case, records contain semantic and syntactic structures which give a full representation of an event described, markers maintaining cohesion, and reproduce some speech forms and genres “borrowed” from other discourses.

Источники

- Блок: Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. – Москва–Ленинград: Гослитиздат. – 1963. – Т. 7. – 544с.
- Вернадский: Щоденник Володимира Вернадського. – Київська старовина. – № 3–4. – 1993. – С. 35–45, 20–35.
- Грушевский: М. Грушевський. Щоденники. 1883 – 1889. – Київська старовина. – № 3–5. – 1993. – С. 28–34, 12–19, 15–22.
- Грушевский: Щоденники М. С. Грушевського. 1904–1910 рр. – Київська старовина. – № 1. – 1995. – С. 10–30.
- Довженко: Довженко О. Твори: В 5 т. – Київ: Дніпро. – 1966. – Т.5. – 542 с.
- Ефремов: Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. – Київ: Рада. – 1997. – 832 с.
- Кюхельбекер: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Ленинград: Наука. – 1979. – 789 с.

- Ламсдорф: Ламсдорф В. Н. Дневник. 1894–1896. – Москва: Междунар. отношения. – 1991. – 456 с.
- Сомов: Сомов К. А. Мир художника. Письма. Дневники. Суждения современников. – Москва: Искусство. – 1979. – 626 с.
- Суворин: Суворин А. С. Дневник. – Москва: Изд-во «Новости». – 1992. – 496с.
- Сухотина: Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. – Москва: Правда. – 1987. – 576с.
- Танеев: Танеев С. Дневники: В 3 кн. – Москва: Музыка. – 1981–1985.
- Толстой: Толстой Л. Полное собрание сочинений. – Москва: Гослитиздат. – 1952. – Т. 50. – 352 с.
- Чайковский: Чайковский П. И. Дневники. – Москва: Издательство «Наш дом – L'Age d'Homme», Екатеринбург: издательство «У-Фактория». – 2000. – 304 с.
- Шевченко: Шевченко Т. Твори: В 5 т. – Київ: Дніпро. – 1979. – Т. 5. – 567 с.

Литература

- Арутюнова 1984: **Арутюнова Н. Д.** Фактор адресата. In: Известия АН СССР. – Сер. Лит и яз. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
- Выготский 1982: **Выготский Л. С.** Мышление и речь. In: Собр. соч. в 5-и тт. – Т.2. – Москва: Педагогика. – С. 5–361.
- Кубрякова 1986: **Кубрякова Е. С.** Номинативный аспект речевой деятельности. – Москва: Наука. – 157 с.
- Лотман 1973: **Лотман Ю. М.** О двух моделях коммуникации в системе культуры. In: Труды по знаковым системам. – У1. – Тарту. – С. 227–243.
- Радзиевская 1988: **Радзиевская Т. В.** Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности. – In: Референция и проблемы текстообразования. – Сб. науч. тр. – Москва: Наука. – С. 95–116.
- Caffi, Janney 1994: **Caffi C., Janney R. W.** Toward a pragmatics of emotive communication. – In: Journal of Pragmatics. – V. 22. – n. 3/4. – P. 325–373.
- Girard 1963: **Girard A.** Le journal intime et la notion de personne. – Paris: PUF. – 638 p.